

«Житие Ипатия», игумена монастыря Руфинианов (близ Халкидона), написанное его учеником Каллиником во второй половине V в., переносит нас в эпоху, когда христианство еще только закрепляло первоначальный успех. Герою жития приходится сталкиваться с язычниками (гл. 43.3), подчас занимавшими административные посты, подобно скринару Эгерсию, которого Ипатий обратил в христианство (гл. 40.27—34). В Вифинии еще справлялись праздники в честь Артемиды (гл. 45.1—2), и префект города Леонтий пытался возобновить олимпийские игры в «театре» Халкидона (гл. 33.1). А в свою очередь христианская организация не достигла ни материальной, ни организационной устойчивости: по словам Каллиника, во всей Фригии в конце IV в. едва можно было найти одного или двух благочестивых людей, а там, где имелись церкви, клирики отличались расхлябанностью (гл. 1.4). Основанный Руфином монастырь быстро пришел в запустение и даже не был похож на монашескую обитель (гл. 8.6); в большое строение зимой набивался снег (гл. 8.13).

Значение «Жития Ипатия» как источника и состоит прежде всего в том, что оно позволяет представить характер раннего монашества в окрестностях Константинополя и монашескую идеологию. Конечно, при этом нужно учитывать два обстоятельства: во-первых, житие, как всякий агиографический памятник, идеализирует монашество; во-вторых, его данные касаются лишь одной группы монастырей и не могут быть распространены на всю территорию Римской империи V в.

Герой Каллиника сторонится города и ищет для основания новой обители гору или пещеру (гл. 8.3—4), несмотря на то, что гористые и лесистые районы кажутся ему населенными демонами (гл. 2.1). Впрочем, может быть не «несмотря», а «потому что», ибо отвоевание заблудших душ у демонов — важнейшая задача, поставленная агиографом перед Ипатием. В смутную эпоху варварских вторжений монастырь должен был быть укрепленным: монастырь Алмирис во Фракии Каллиник называет большим *κατέλλιον*, т. е. крепостью (гл. 3.10, ср. гл. 7.1). В Алмирисе жило 80 братьев, число монахов в Руфинианах достигло 50 человек (впрочем, насколько заслуживают доверия числа житийных памятников?). Каллинику монастырь представляется трудовой общиной: Ипатий и его сотоварищи жили своим трудом, обрабатывая шерсть, плетя корзины, возделывая сад (гл. 8.11, ср. 42.4—5). «Они имели хлеб от своих трудов». — подчеркивает Каллиник в другом месте (гл. 18.1, ср. 8.13). При этом любопытно, что монахи фракийского Алмириса обычно связаны с полководством (гл. 3.10, 4.5, 7.4), тогда как в монастыре Руфинианов, близ Халкидона, садоводство сочеталось с ремесленной деятельностью.

Тенденция к расширению монастырской собственности по самой природе жанра не находит обычно отражения в житийной литературе — тем любопытнее замечание Каллиника о том, что имущество человека, умершего в монастыре, наследуется обителью (гл. 12.5: имеется в виду *Cod. Theod.* 5.3). Каллиник, впрочем, относится негативно к этому принципу: это обманщики ввели к заблуждению кувикулария Урвикия — на самом же деле после смерти Аэтия в монастыре Руфинианов Ипатий выдал его имущество (гл. 12.12). И в другом месте рассказывается, как Ипатий, получив наследство, тут же раздал деньги (другим) монастырям, а одежду — беднякам (гл. 34.2).

Монашеская идеология обрисована в житии традиционными чертами: благочестие, смирение, повиновение, практика умерщвления плоти, — все это восхваляется Каллиником. При этом, однако, надо обратить внимание на два момента: во-первых, в житии отсутствует то требование подчинения монашества церковным властям, которое было выдвинуто Афанасием Александрийским (Предисловие, стр. 28), а во-вторых, агиограф довольно скептически относится к чрезмерной аскезе (там же, стр. 21 и сл.). В этом отношении очень показательны эпизод посещения отцом Ипатия монастыря Алмирис: несмотря на некоторые колебания, Ипатий все-таки вышел к нему и беседовал с ним (гл. 7.1—3); как известно, автор более позднего «Жития Симеона Богослова» прославляет монаха, отказавшегося выйти к матери. Возникает вопрос, не связаны ли оба эти момента со специфической формой обители, которую имел в виду Каллиник?

Внешний по отношению к монастырю мир мало затронут агиографом. Он упоминает Феодосия II, Иоанна Златоуста, Нестория, некоторых видных чиновников, но эти упоминания не расширяют наших знаний о римском обществе первой половины V в. Встречаются кое-какие бытовые детали: какие-то люди бросали отбросы в источник, откуда монахи брали воду, отчего среди братьев начались болезни (гл. 19.1—2); больному быку натерли язык солью (гл. 22.21). Бросается в глаза довольно частое употребление слова *παιδες* в значении «рабы». Некий *παιδιον δουλάριον*, живший в поместье, был исцелен Ипатием (гл. 38.3—5). У знатных людей Урвикия и Монаксия были *παιδες* (гл. 12.5, 21.1). Своего раба Павла Монаксий бичевал и заковал в кандалы (гл. 21.3).

Каллиник дважды упоминает гуннов (гл. 3.11, 52.3) — свидетельства, не учтенные Д. Моравчиком в «*Vuzantinoturcica*». Он упоминает также «страгюта» — армянина Иону (гл. 3.1), замечая попутно, что армяне весьма благочестивы (гл. 3.7), Каллиник, который, видимо, происходил из Сирии, был совершенно чужд византийского армянофобства.

Г. Бартелинк издал житие по трем рукописям, положив в основу издания сод. Vatic. 1667, X в. Он снабдил текст переводом, обширным комментарием (основное внимание уделено разъяснению лингвистических и грамматических особенностей) и вводной статьей, где останавливается помимо прочего, на мировоззрении, стиле и языке Каллиника.

А. К.

D. B. Evans. *Leontius of Byzantium. An Origenist Christology.*—«*Dumbarton Oaks Studies*», XIII. Washington, 1970, XIII+206 p.

Согласно традиционным представлениям, Леонтий Византийский — один из виднейших православных богословов VI столетия. «Как по своему внутреннему содержанию, — писал В. Соколов, — так и по внешнему изложению христологии Леонтия Византийского — безусловно православная христология»¹. Американский исследователь Д. Б. Ивэнс порывает с традиционной точкой зрения и утверждает, что в своей христологии Леонтий выступает как еретик, как последователь Оригена. Аргументация Ивэнса состоит из ряда пунктов.

Во-первых, следуя за М. Ришаром, Ивэнс отделяет Леонтия Византийского от Леонтия Иерусалимского, автора ортодоксальных сочинений против несториан и монофиситов (стр. 1, прим. 1), которые, следовательно, должны быть исключены из *Cogrus Leontianum*.

Во-вторых, Ивэнс настаивает на тождестве Леонтия Византийского с одноименным монахом, которого Кирилл Скифопольский прямо называл оригенистом (стр. 172—176). Леонтий, как можно судить по скудным данным о его жизни, был халкидонитом, но в рамках халкидонитства занимал особую позицию — Ивэнс характеризует его как оригениста-халкидонита (стр. 183).

В-третьих — и эта часть доказательств занимает основное место в работе Ивэнса, — автор выясняет оригенистские черты христологического учения Леонтия, основываясь преимущественно на «Трех книгах против несториан и еutihian». Эти черты заключаются в следующем: 1) природа (*οὐσία*) и ипостась в концепции Леонтия выступают как определенные характеристики отношений между сущим (*τὰ ὄντα*): явления могут быть сходными по природе и различными по ипостаси, и наоборот (стр. 30 и сл.); 2) Иисус Христос, согласно Леонтию, является не воплощенным словом, но невещественным разумом, предвечно соединенным с богом и обретшим плоть по милости божьей; это учение Леонтия близко к взглядам оригениста второй половины IV в. Евагрия Понтийского (стр. 124—131)².

Констатируя оригенизм христологии Леонтия, Ивэнс ставит задачу пересмотра роли учения Оригена в формировании ранневизантийской теологии: помимо Евагрия и Леонтия, он ссылается на такого столпа православия, как Максим Исповедник (стр. 145).

А. К.

Новый жанр византиноведческих публикаций

В последние годы все более распространенными становятся сборники статей ведущих византиноведов — как покойных, так и живых. Внешняя причина издания таких сборников состоит в том, что работы современных ученых подчас выходят в трудно доступных изданиях, получить которые непросто. Однако сборники такого рода имеют и другой, более глубокий, внутренний резон: с начала этого столетия все чаще встречается особый тип византиниста (как правило, это филологи и источниковеды), творчество которого состоит из серии частных исследований, не сводимых в большие работы. Но и ученые иного рода, авторы больших монографий и справочников, создают параллельно своим главным трудам произведения «малых форм» — статьи и рецензии, важные по их результатам.

Для жанра малых форм особенно показателен двухтомник статей С. Дж. Меркати (*S. G. Mercati. Collectanea byzantina. vol. I—II. Bari, 1970*), подготовленный А. А. Лонго и снабженный предисловием Дж. Скиро. Первый том занимает статьи по филологии, второй — по палеографии и кодикологии, папирологии, эпиграфике, по истории итало-греческих литературных связей, по археологии и истории искусства, по новогреческой литературе и несколько работ, объединенных титулом «Разное». Тематика статей и периоды, интересовавшие Меркати, чрезвычайно разнообразны: наряду с такими корифеями византийской литературы, как Пселл, Продром или Никифор Григора, в работах Меркати проходят малоизвестные авторы (Стефан Мелит, Василий Кекавмен, Михаил Аплухир, Никифор Уран); наряду с житиями и гомилиями — эпиграмы и сонники. По большей части это публикации, текстологические заметки, поправки (сборник включает ряд рецензий Меркати), истолкования терминов

¹ В. Соколов. Леонтий Византийский. Его жизнь и литературные труды. Сергиев Посад, 1916, стр. 332.

² О взглядах Евагрия см. теперь: А. Guillaumont. Un philosophe au désert: Euagre le Pontique. — «*Revue de l'histoire des religions*», 181, 1972.